

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 15

Выходить еженедельно (52 № в год), с приложением 40 книг „Сборника“, соерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. К. Шеллера-Михайлова, 42 книги Литературных и популярно-научных приложений, 42 № № „Парижских модъ“ и 42 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 16-го апрѣля 1905 г.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочин. А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 28.

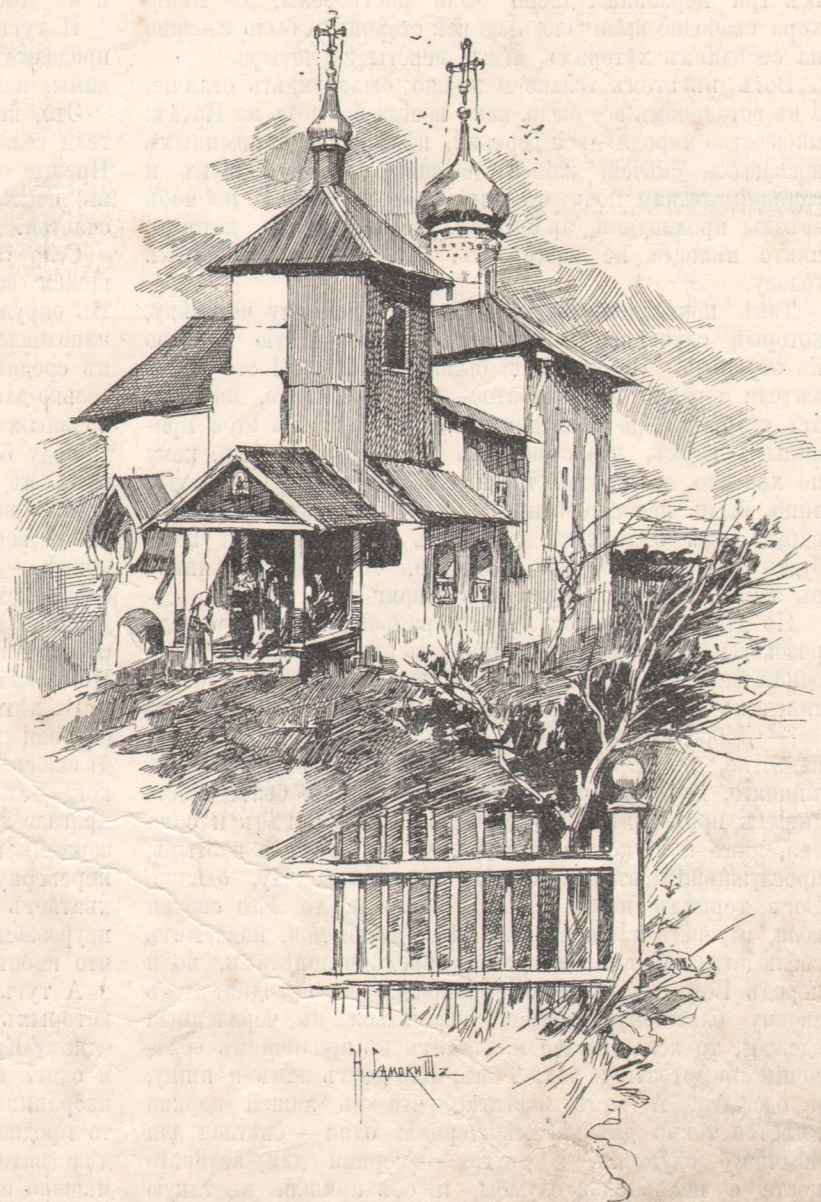
Открыта подписка на „НИВУ“ 1905 г.

Безъ достав-ки въ Петер-бургъ . . .	6.50	Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. П. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи.	7р.25к.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12.	7р.50к.	Съ достав-кою въ Пе-тербургъ . . .	7.50	Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи . . .	8	За гра-ницу. 12 р.
-------------------------------------	-------------	--	----------------	--	----------------	------------------------------------	-------------	---	----------	--------------------

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1/2 года съ дост. въ СПБ. 4 р., съ перес. во всѣ мѣста Россіи 4 р.; на 1/4 года съ доставкою въ СПБ. 2 р., съ перес. иногор. 2 р.

Христось воскресь!

И звѣздъ, и праздничныхъ огней
 Полна ночная мгла...
 «Христось воскресь! Христось воскресь!»
 Гудятъ колокола...
 Они гудятъ, они зовутъ
 Къ добру и къ миру Божій людъ...
 Идетъ толпа, покинувъ храмъ,
 Шумяшею рѣкой...
 «Христось воскресь! Христось воскресь!»
 Несется надъ толпой...
 «Христось воскресь!.. Да сгинетъ смерти!»
 Поютъ кругомъ земля и твердь...
 О, вы, погибшіе въ бояхъ
 Въ кровавый смерти часть,
 Христось воскресь, Христось воскресь
 Отнынѣ и для васъ!
 Воскресъ для всѣхъ, кто васъ любилъ,
 Кто въ сердцѣ васъ похоронилъ.
 Рѣдѣетъ мгла... Свѣтлѣетъ ночь
 Отъ праздничныхъ огней...
 Христось воскресь, Христось воскресь
 Для страждущихъ людей...
 И отъ села и до села
 О томъ гудятъ колокола...

Б. Н.

Утро Свѣтлаго Праздника.

Рисунокъ академика Н. С. Самокиша, авт. «Нивы».

Свѣтлыя ризы.

Разсказъ И. Н. Потапенко.

Ну, да, Пасха—какъ Пасха. Это вѣрно. Ни солнце на землю не сходило, ни мѣсяцъ не купался въ ставкѣ; никто не видѣлъ, чтобы колокольня деревенской церкви сдвинулась съ мѣста и трижды обошла вокругъ церкви; также никто не замѣтилъ, чтобы волостной старшина, Григорій Афанасьевичъ Кузьменко, сталъ хоть чуточку умнѣе. Никакихъ такихъ чудесъ не произошло, и все было—какъ обыкновенно бываетъ.

Правда, служба была торжественная. Старый батюшка, отецъ Макарій, служилъ какимъ-то возвышеннымъ голосомъ, какого, по старости его лѣтъ, уже давно отъ него не слыхали, да и деревенскій самодѣлковый хоръ не хваталъ, какъ обыкновенно бывало, кто въ лѣсъ, кто по дрова, а пѣлъ осмотрительно, видимо приготовившись, и выходило стройно и благозвучно, такъ что сердце радовалось. Особенно отличался своимъ высокимъ теноромъ самъ сельскій учитель, Павелъ Ивановичъ Макаръчукъ, который и управлялъ хоромъ, и басъ Милетій, просто Милетій, обыкновенный мужикъ съ волосатою головою и съ страшно обросшимъ лицомъ, но обладатель такого могучаго бархатнаго голоса, которому позавидовалъ бы всякій итальянецъ, да и протодьяконъ не прошелъ бы мимо. И ужъ пѣли, можно сказать, на славу: такъ какъ всѣ три церковныя двери были растворены, то пѣніе хора свободно выливалось во всѣ стороны и было слышно на сосѣднихъ хуторахъ, этакъ версты за четыре.

Вотъ въ этомъ только и можно было видѣть отличие, а въ остальномъ все было, какъ всегда бываетъ на Пасхѣ: множество народа—вся деревня, цѣлое море зажженныхъ восковыхъ свѣчей, живое движеніе, веселый шумъ и славная южная ночь съ міриадами горящихъ на небѣ звѣздъ, прохладная, ароматная, полная тайны, которую никто никогда не разгадаетъ, сколько бы ни ломалъ голову.

Такъ показалось бы всякому постороннему человѣку, который случайно попалъ бы въ деревенскую церковь въ эту ночь. Но на дѣлѣ было не такъ. И это знали жители деревни Березневатого—всѣ до одинаго, начиная отъ старшины до послѣдняго батрака. И отъ этой причины у всѣхъ, кто стоялъ въ церкви, и у тѣхъ, кому не хватило въ ней мѣста и они толкались въ оградѣ, лица были необыкновенно радостныя, какъ будто всѣ вдругъ изъ бѣдниковъ сдѣлались богачами, или какъ будто уже теперь было извѣстно, что все, посѣянное въ землю, взойдетъ и уродитъ сторицею.

Но дѣло это началось гораздо раньше, и ужъ его надо разсказывать по порядку. Началось оно еще зимою, когда однажды батюшка, послѣ обѣдни, выйдя изъ алтаря, обратился къ народу съ краткою рѣчью и сказалъ:

— Добродѣтельные прихожане и братія! Всѣмъ вамъ извѣстно, что церковь наша бѣдная. Ничего въ ней нѣтъ лишняго, какъ бываетъ въ церквахъ иныхъ, болѣе счастливыхъ приходоу. И все въ ней ветхое, какъ и сама она, какъ и я, поставленный надъ вами Богомъ пастырь, прослужившій въ ней сорокъ пять лѣтъ. Ну, однако, Богъ терпѣлъ насъ и, когда была на то Его святая воля, слушалъ наши молитвы. Но, други мои, надлежитъ соблюдать приличіе не токмо передъ человѣками, но и передъ Богомъ. Если мы, собираясь на праздникъ къ своему ближнему, тщимся облачиться въ червленныя одежды, то кольми наче надлежитъ въ приличномъ облаченіи предстоять передъ Тѣмъ, Кто даетъ намъ и пищу, и одежду... А вамъ извѣстно, что въ нашей церкви имѣется токмо двѣ перемѣныя ризы: одна—свѣтлая для обычнаго служенія, а другая—черная для великаго поста и похоронной службы, и обѣ пришли въ такую ветхость, что человѣкъ къ человѣку въ такой одеждѣ выйти постыдился бы, а я вотъ въ ней каждую службу

своими молитвами утруждалъ Господа. Такъ вотъ, добрая моя паства, потщитесь, соберитесь съ силами, обновите церковную одежду. Можетъ, кто между вами побогаче—тотъ и одинъ пожелаетъ жертву принести, а то и общими силами,—какъ пожелаете. А только говорю вотъ: въ рублищахъ предстою передъ Господомъ. Покажите ваше усердіе!

Такъ сказалъ старый о. Макарій и своею рѣчью произвелъ сильное впечатлѣніе на прихожанъ. У нихъ точно вдругъ раскрылись глаза. Каждую службу видѣли они своего батюшку въ церковныхъ ризахъ и такъ приглядѣлись къ нимъ за много лѣтъ, что и не замѣчали ихъ ветхости. А теперь вдругъ увидѣли, что зеленая парча давно стала бурой, а золотые кресты на ней стерлись, да и фасонъ она свой потеряла, а кое-гдѣ замѣтны были даже дырья. А ужъ о великопостной ризѣ лучше и не говорить. Въ тотъ же день, послѣ обѣдни, батюшка вышелъ въ ней служить панихиду, такъ прихожанамъ даже стыдно было смотрѣть на нее: весь бархатъ ея вытерся, повсюду были складки и какія-то бурыя пятна, пыль въѣлась въ нихъ такъ, что никакими щетками ея не отчистишь. Въдѣ сколькокихъ покойниковъ батюшка провожалъ въ ней на кладбище, и случалось это и въ бурю, и въ дождь, а она все была одна, безъ перемѣны.

И тутъ для всѣхъ стало совершенно ясно, что такъ продолжаться не можетъ. Нужны новыя ризы, необходимы, неизбежны новыя ризы.

Это, конечно, легче было сказать, чѣмъ сдѣлать. Жители села Березневатого были какъ-то особенно бѣдны. Прежде еще кое-какъ они сводили концы съ концами, а въ послѣдніе годы на нихъ посыпались разныя несчастія.

Село стояло на солнцепѣкѣ, посреди степи, раскинувшейся во всѣ стороны на безконечныя пространства. Въ окрестности ни лѣска, ни рощицы. Ставкѣ весной наполнялся водой отъ таявшаго на поляхъ снѣга, но къ срединѣ лѣта высыхалъ до дна и годенъ былъ тогда только для куликовъ да для цапель. Первые добывали здѣсь червяковъ, а вторыя—лягушекъ и были очень довольны.

Воду березневатовцы добывали изъ колодцевъ, которыхъ въ селѣ насчитывалось штукъ четыре. Надъ ними стояли высокіе столбы съ длинными поперечниками на самой верхушкѣ, съ привѣшенными къ нимъ на одномъ концѣ—ведромъ, а на другомъ—камнемъ. Сооруженіе очень походило на большую птицу, стоящую на одной—длинной и тонкой ногѣ, и потому носило названіе «журавля». Такими «журавлями» натыкана вся маловодная Новороссія.

Въ лѣтнее время солнце здѣсь жгло невыносимо. Край считали въ прежніе годы плодороднымъ. Какъ-то все дѣлалось въ-время: перепалили дожди какъ разъ тогда, когда злакамъ нужно было произрастать, а солнце напригало всѣ свои силы, когда колосья уже налились и зернамъ надлежало окрѣпнуть. Но все на свѣтѣ какъ-то перевернулось. Влага совсѣмъ исчезла, точно ея уже не хватаетъ у Бога на всю грѣшную землю; неурожаи за неурожаемъ,—и обѣднѣли березневатовцы, такъ обѣднѣли, что просто даже понять нельзя, чѣмъ только они живутъ.

А тутъ еще было нѣсколько лѣтнихъ пожаровъ, отъ которыхъ въ селѣ не было никакой защиты. Везло только одному Кузьменкѣ, у котораго почему-то и хлѣбъ родилъ, и скотъ не падалъ, и сарай не горѣли. Бываютъ такіе избранники. Когда думали о томъ, за что ему все это, то предполагали, что просто за то, что онъ глупъ. Онъ дѣйствительно остротой ума не отличался, но это не мѣшало ему пользоваться общимъ уваженіемъ, безсмысленно занимать должность старшины и именоваться Григоріемъ Афанасьевичемъ. Остальные сельчане кой-какъ перебива-

лись, а денегъ въ Березневатомъ было такъ мало, что нѣкоторые сельчане забыли, какой у нихъ видъ.

Но послѣ рѣчи о. Макарія въ селѣ заговорили о церковныхъ ризахъ. Церковный староста, Антонъ Швець, догадался съѣздить въ городъ и разузнать, гдѣ слѣдуетъ, насчетъ того, сколько могли бы стоить новыя ризы, и онъ прѣехалъ изъ города очень огорченный и хмурый. Ризы стоили дорого. Чтобы сдѣлать и свѣтлыя и черныя, надо было, по самому малому расчету, затратить семь десятковъ карбованцевъ, а то и всѣ восемь. Такихъ денегъ въ Березневатомъ не соберешь и въ цѣлый годъ.

А мужики, между тѣмъ, толковали. Гдѣ встрѣтятся ихъ трое-четверо, толкуютъ о разныхъ деревенскихъ дѣлахъ, и непременно подъ конецъ кто-нибудь заведетъ рѣчь про церковныя ризы.

— Да какъ же такъ, земляки? О. Макарій не на вѣтеръ же сказалъ. Надобно думать...

— А надобно, какъ же не надобно? Вотъ уже и Рождество подходитъ, а дѣло ни съ мѣста...

Въ самомъ дѣлѣ, и Рождество подошло и пришло, а батюшка все служилъ въ старенькой ризѣ. Многие пришли въ церковь въ новыхъ кожухахъ, отъ которыхъ нестерпимо несло ароматомъ овчины, и имъ было неловко даже смотрѣть на о. Макарія, который молилъ Бога о грѣхахъ своихъ прихожанъ все въ прежнихъ обтрепанныхъ одеждахъ.

«Вѣдь вотъ,—думали обладатели новыхъ кожуховъ:—я въ обновкѣ шеголяю, а для Бога мы нищѣ».

И, наконецъ, на селѣ стало извѣстно, что старшина Григорій Афанасьевичъ, будучи озабоченъ дѣломъ объ обновленіи церковныхъ ризъ, намѣренъ въ скоромъ времени созвать сходъ. И всѣ ждали этого схода.

И вотъ, однажды, передъ вечеромъ, когда всѣ мужики вернулись къ своимъ домамъ отъ зимнихъ работъ, наканунѣ праздника, по селу ходилъ десятскій Емельянь, онъ же Омелько, и объявлялъ всѣмъ сельчанамъ, что на-завтра, когда отойдетъ обѣдня, въ волостномъ дворѣ назначенъ сходъ и что Григорій Афанасьевичъ проситъ всѣхъ, кто только не боленъ, быть трезвыми и явиться.

Всѣ поняли, что рѣчь будетъ о новыхъ церковныхъ ризахъ, и потому даже самые заядлые пьяницы воздержались. Въ церкви въ этотъ день было много народу, и всѣ невольно смотрѣли на старенькія ризы, въ которыхъ о. Макарій служилъ обѣдню, и какъ бы настраивались. А послѣ обѣдни всѣ правоспособные сельчане двинулись въ волостной дворъ и тамъ, подъ открытымъ небомъ, ждали прибытія самого Григорія Афанасьевича и съ нимъ—неизбѣжнаго писаря.

И Григорій Афанасьевичъ прибылъ. Это былъ мужикъ высокій и тонкій, съ длинной шеей, самъ жилистый, крѣпкій, костистый. Лицо у него было благообразное, не выражавшее ни особеннаго ума, ни замѣтной глупости. На дѣлѣ же онъ далеко не былъ такъ глупъ, какъ о немъ говорили. Свои дѣла онъ велъ преисправно: бралъ у сосѣдей-помѣщиковъ землю въ аренду, хорошо обрабатывалъ ее нѣмецкимъ плугомъ, собиралъ жатву, продавалъ въ городѣ зерно и наживалъ деньги. Всѣмъ было извѣстно, что у него есть деньги, можетъ-быть—не одна тысяча, и онъ самъ этого не отрицалъ. Былъ онъ мужикъ не злой, случалось—помогалъ землякамъ въ бѣдѣ. Онъ только рѣчью умной не владелъ и, когда начиналъ говорить, у него языкъ заплетался и слова выходили все не тѣ, какія были нужны.

Но тутъ онъ находилъ поддержку въ писарѣ. Это былъ очень искусный въ своемъ дѣлѣ человѣкъ. Что онъ умный, это было написано на его огромномъ лбу; что онъ знаетъ законы, это онъ доказалъ сотню разъ за время своего долготѣннаго состоянія при Березневатовской волости. Для всѣхъ было очевидно, что съ такими данными этотъ человѣкъ могъ бы очень далеко пойти, а между тѣмъ онъ никуда не пошелъ, а сидитъ при волостномъ пра-

вленіи. Очевидно, у него были на это основательныя причины, которыя заставили его во время оно удалиться отъ службы въ уѣздномъ городѣ, въ какомъ-то казенномъ правленіи, но которыхъ онъ никому не говорилъ.

Григорію Афанасьевичу онъ былъ нуженъ, какъ воздухъ, поэтому безсмѣнный старшина, помимо общественнаго жалованья, всячески награждалъ его то хлѣбомъ, то картофелемъ, то птицей, а то деньгами «заимобразно», безъ всякой надежды на полученіе обратно. Зато Березневатовская волость, по части порядка и исполнительности, считалась образцовой, и Григорій Афанасьевичъ имѣлъ уже за это всѣ похвальные листы и медали.

— Ну, вотъ,—сказалъ старшина, обращаясь къ міру:—мы и собрались... Такъ, значить, и потолкуемъ... Это... того... насчетъ ризъ... Ризы очень ужъ того... древнія... Такъ, того... Вотъ, какъ батюшка сказалъ... Н-да!

Столь неискusstная рѣчь, однако, была понята всѣми. Дѣло шло о церковныхъ ризахъ, это было ясно, какъ день. И толковать долго тутъ было нечего. Какъ загалдѣли, забормотали, можно было разобрать, что всѣ согласны, но въ то же время чувствовалась какая-то нерѣшительность, какая бываетъ, когда не хватаетъ самаго главнаго. И затѣмъ, сквозь гулъ неопредѣленныхъ разговоровъ, протиснулся ясно поставленный вопросъ:

— А сколько денегъ надо?

Тутъ выступилъ церковный староста, Антонъ Швець, мужикъ почтенный и основательный, и объяснилъ, что объ ризы, по самымъ точнымъ справкамъ, обойдутся десятковъ въ восемь карбованцевъ. Цифра эта произвела на мужиковъ опеломляющее впечатлѣніе. При тѣхъ печальныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилось село Березневатое, восемьдесятъ рублей были благомъ, которое казалось недостижимымъ. И мужики стояли молча, опустивъ головы и почесывая затылки. Только изъ глубины толпы слышались невнятные голоса, безнадежно вопрошавшіе:

— А гдѣ же ихъ взять-то? Гдѣ ихъ взять?

Но отвѣта на этотъ вопросъ никто не далъ.

— Гм... Н-да!..—сказалъ Григорій Афанасьевичъ такимъ многозначительнымъ голосомъ, что всѣмъ стало понятно, что онъ хочетъ сказать что-то важное.

— Гм... Н-да... Гдѣ ихъ взять?.. Вотъ то-то и оно... Н-да!

И, сказавши это, онъ остановился, видимо, разыскивая въ своей головѣ слова, которыя могли бы выразить его мысли. Но это ему довольно долго не удавалось. Земляки, однако, привыкли почтительно относиться къ его молчанію и ждали терпѣливо. Григорій Афанасьевичъ, наконецъ, собрался съ силами и продолжалъ.

— Оно, конечно... трудновато!.. Да вѣдь дѣло-то такое... Для души... Н-да... Стало-быть... Н-да!..

И, вымолвивъ эти многозначашія слова, онъ отъ натуги вспогѣлъ, вытеръ лобъ рукавомъ кафтана и, безнадежно махнувъ рукой, прибавилъ:

— Ну, пукай ужъ писарь скажетъ... Онъ знаетъ мои мысли.

Такъ всегда это и бывало, что Григорій Афанасьевичъ начиналъ, а писарь продолжалъ, и ужъ онъ дѣйствительно зналъ всѣ мысли старшины. Голова у него была двойная—для себя и для него.

И писарь сейчасъ же приступилъ къ дѣлу.

— Суть дѣла въ томъ, почтенные хозяева, что восемьдесятъ карбованцевъ такія деньги, какихъ въ настоящее время изъ васъ не выжмешь, хотя бы всѣхъ васъ истолочь въ ступѣ... Такъ вѣдь?

Этотъ оборотъ имѣлъ успѣхъ. Писаря любили за его бойкую рѣчь. Раздался одобрителный смѣхъ. Писарь продолжалъ:

— А какъ Григорій Афанасьевичъ есть вашъ, какъ бы сказать, предводитель, вами же самими избранный, такъ оно и понятно, ежели мы этотъ самый расходъ на его голову свалимъ!.. А онъ, господа, и желаніе такое доброе имѣеть: на свой счетъ, значить, ризы приобрести и въ цер-

Гимнъ Воскресенію. Картина Лингнера, авт. «Нивы».

Пѣснь Колокола. Картина Лингнера, авт. «Нивы».

ковъ пожертвовать. Что-жь, пускай жертвуетъ. Ему будетъ почетъ, а вамъ облегченіе... Вотъ она и вся суть дѣла!..

Мужики уже почти всѣ взялись за шапки, чтобы снять ихъ и благодарственно поклониться Григорію Афанасьевичу; нѣкоторые даже высказали словами благодарности, и дѣло было бы улажено въ ту же минуту. Но тутъ произошло одно обстоятельство, которое повернуло его совсѣмъ въ другую сторону.

Выступилъ изъ толпы мужичокъ небольшого роста, худощавый и хилый на видъ, но съ живыми блестящими глазами. Одѣтъ онъ былъ не бѣднѣ другихъ — въ старый, затасканный полшубокъ. Его звали Охримъ Борода, хотя, по странному противорѣчію судьбы, бороды-то настоящей у него и не было, а на ея мѣстѣ росли жидкіе, коротенькіе волосѣнки. Хозяинъ онъ былъ средней руки, на сходахъ бывалъ рѣдко и говорилъ мало. Велъ трезвый образъ жизни и не любилъ разговаривать съ пьяными, которыхъ всегда на мірскихъ собраніяхъ было довольно.

Онъ выступилъ впередъ и сказалъ какимъ-то опредѣленнымъ, убѣжденнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, мѣръ, это не по правилу будетъ... Это надо обождать...

— Чего ждатель-то? — спросилъ его кто-то, видимо недовольный противорѣчіемъ.

— А для того и ждатель, что не по правилу...

— Какое тутъ можетъ быть правило? — сказали писарь.

— А я скажу. Я не скрою... Такое можетъ быть правило, что риза, она только по видимости о. Макарію назначается, а ежели по душѣ, такъ это выходитъ — самому Богу. Такъ ужъ тутъ старшины одного мало. Богъ

для всѣхъ, стало-быть, и для Него всѣ должны... Вотъ оно правило-то какое!..

— Такъ откуда же взять? — спросилъ кто-то.

— А ужъ откуда хочешь... Вотъ кожухъ сними да продай, а коли кожуха нѣтъ — рубаху, а Богъ тебѣ сторицею воздастъ. Григорій Афанасьевичъ мужикъ почтенный, и всѣ мы его уважаемъ, и голова онъ намъ, это вѣрно. А только ему эти деньги дать, все одно, что рукой махнуть, а, между прочимъ, честь большая. А ты — нѣтъ, ты потрудишься для Бога, такъ это дѣйствительно заслуга будетъ. Все село должно! Все село! — энергично и повелительно закончилъ Охримъ Борода.

И эти слова произвели такое глубокое впечатлѣніе на слушателей, что даже самъ Григорій Афанасьевичъ согласился съ ними. Было рѣшено пока собрать половину и сдѣлать только одну свѣтлую ризу. Какъ ни трудно было березневатовцамъ добыть капиталъ, а все же они его сколотили. Церковному старостѣ было поручено хлопотать, гдѣ слѣдуетъ, въ городѣ, самъ о. Макарій выбралъ парчу, и стали шить ризы.

Онѣ были готовы мѣсяца за два до Пасхи, но о. Макарій рѣшилъ явиться въ нихъ передъ народомъ въ первый разъ только въ день Пасхи. И вся деревня это знала и ждала этого.

Вотъ почему такимъ вдохновеннымъ голосомъ о. Макарій провозгласилъ на утренѣ первое «Христосъ Воскресе», вотъ почему такъ стройно пѣлъ деревенскій хоръ и вотъ почему у всѣхъ березневатовцевъ были такія торжественныя лица.

Свѣтлыя ризы — это была трудовая лепта всего села.

Колоколь и Пушка.

(Курское преданіе).

I.

Средь полей широкихъ,
Гдѣ Осколь протекъ,
Былъ у края степи
Срубленъ городокъ.
Пушкари, стрѣльчата,
Съ Дону казаки
Слободами сѣли
Вдоль Осколь-рѣчки.
Въ городѣ, на горкѣ,
Божій храмъ стоялъ...
Колоколь на вѣче
Горожанъ скликалъ.
А съ высокой башни,
Много лѣтъ подъ ряль,
Молча въ степь глядѣлся
Пушечный нарядъ.
Только въ ночь Христову,
Какъ раздастся звонъ,
Пушка слала въ степи
Свой могучій стонъ.
А татаръ не слышно
Было никогда: —
Въ степь ушла далеко
Дикая орда.

II.

Колоколь полночный
Подъ шагромъ небесъ
Вѣсть понесъ святую,
Что Христосъ воскресъ.
Простонала пушка...
Словъ былъ вѣстовой:
Шли въ степи татары
Черною стѣной.

Но никто не видѣлъ
Вороговъ вдали: —
Всѣ вокругъ собора
Крестнымъ ходомъ шли.
Вотъ горятъ слободки,
Какъ сухой костеръ,
Запылалъ свѣчею
На горѣ соборъ...
А когда надъ синей
Степью разсвѣло,
Грудой тѣлъ кровавыхъ
Вѣче полегло.
Женщинъ навязали
Цѣпью на арканъ
И угнали въ степи
На враждѣй дуванъ.
Золото, уборы
На воза сгребли...
Колоколь и пушку
Тоже повезли.
Да владѣть, знать, ими
Богъ имъ не привелъ: —
Колоколь и пушку
Засосалъ Осколь.

III.

Вотъ года проходить...
И вѣка ушли...
Разъ, въ пустомъ болотѣ,
Колоколь нашли,
Плѣсенью покрытый,
Словно дубъ — корой.
Разобрали только
Слово «вѣчевой».
Около собора,
Гдѣ базаръ шумить,

Онъ теперь на сваѣ,
Словно встарь, виситъ.
Но не слышенъ нынѣ
Вѣчевой призывъ
Средь луговъ поѣмныхъ
И широкихъ нивъ.

Только въ ночь Христову,
Раньше всѣхъ церквей,
Онъ зоветъ къ собору
Старцевъ и дѣтей.

А въ пустомъ болотѣ
Пасхой — каждый годъ
Пушка мѣдный голосъ
Брату подаетъ.

И тогда сквозь красный
Праздничный трезвонъ
Катится по степи
Грозный, мѣдный стонъ.

И настанетъ время:
По Руси святой
Врагъ опять промчится
Дикою ордой.

Но лишь одолѣтъ
Вражеская рать, —
Пушка изъ болота
Встанетъ воевать.

Разгромить, прогнать
Дикую орду,
Отомстить на внукахъ
Прадѣловъ бѣду...

А когда татаринъ
Снова въ степь уйдетъ,
Колоколь на вѣче
Гражданъ соберетъ.

С. Караскевичъ.

Явлення Христа въ Еммаусь. Картина Лихтштедта, авт. «Нива».

Бѣлая азалія.

Разсказъ

Г. Т. Сѣверцева.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось прожить недѣли три въ Брюсселѣ. Молодая весна только-что прилетѣла съ юга, апрѣль усердно хлопотала разукрасить деревья новымъ зеленымъ уборомъ, но это ему не особенно удавалось.

Несмотря на холодные утренники и свѣжіе вечера, я все-таки предпочелъ жить не въ самомъ шумномъ городѣ, а поселиться въ одномъ изъ его предмѣстій, въ Лэкенѣ. Кругомъ Лэкана тянутся сады; особенно красивы изъ нихъ королевскій паркъ.

Я нанялъ громадную комнату во флигелѣ небольшой гостиницы «Aux Trois Suisses». Жильцовъ, кромѣ меня и какого-то инженера-американца, никого не было. Стояли послѣдніе дни поздней въ этомъ году Пасхи.

Во всѣхъ церквахъ статуя Мадонны одѣли въ новыя одежды, разукрасили цвѣтами, горящими свѣчами; ежедневныя службы привлекали въ церковь молящихся.

Въ концѣ бульвара Лэкенъ помѣщается красивый готическій храмъ, служащій усыпальницею королевскаго дома и придворною церковью загороднаго дворца.

Статуя Богоматери была здѣсь украшена на диво. Всевозможные цвѣты, начиная отъ самыхъ крупныхъ рододендроновъ, лавровъ и камелій и кончая обыкновенными лѣтниками, длиною горкою подымались къ статуѣ. Множество букетовъ дополняло ихъ. Масса зажженныхъ свѣчей, поставленныхъ ровными рядами среди растений, точно звѣзды, слабо мерцали, подавленные широкими лучами весенняго солнца, падавшими черезъ окно на золотыя украшенія Св. Дѣвы. Волны курищагося въ кадилницахъ оміама дѣлали картину еще торжественнѣе, еще грандіознѣе. Стоя на колѣняхъ, присутствующіе молились; между ними первенствовали женщины. Погруженные въ молитвенный экстазъ, онѣ беззвучно шептали молитвы.

Вся эта женская толпа принесла свои скорби, горе, неудачи сюда, къ ногамъ Богоматери, всѣ съ вѣрою смотрѣли на ея дѣвственный обликъ.

Наблюдая за молящимися, я самъ невольно поддавался общему настроенію.

Его нарушали только дѣвучіе возгласы патера и гнусавые отвѣты клирошанина.

Перебѣгая взорами съ одной группы молящихся на другую, мое вниманіе было привлечено бѣдно одѣтой старухой, сиротливо прижавшейся въ уголкѣ. Она вся находилась въ экстазѣ и не спускала глазъ со статуи Св. Дѣвы.

Измороженная фигура молящейся, ея измученное лицо, слезы, катившіяся изъ ея глазъ, — все приковывало къ ней мое вниманіе.

Долго наблюдать за нею мнѣ не пришлось: день былъ праздничный, превосходныя оранжереи королевскаго дворца были сегодня открыты, я намѣревался ихъ осмотрѣть, и сейчасъ же вышелъ изъ храма. Взираясь по идущей вверхъ дорогѣ, я скоро добрался до большого пруда съ золотыми карпами и вошелъ въ самую тенищу.

Длинная галерея, вся въ ползучихъ растеніяхъ, привела меня въ громадное стеклянное помѣщеніе, переполненное цвѣтущими азаліями всѣхъ красокъ и оттѣнковъ. Онѣ тянулись по обѣимъ сторонамъ прохода, поражая взоръ пестротой своихъ сочетаній и колоритовъ.

Бѣлая гора дѣвственно бѣлыхъ цвѣтовъ, точно громадный снѣжный комъ, высилась въ одномъ изъ угловъ; около нея причудливыми линиями разбѣгались голубые, розовые, желтые цвѣты; ярко-пунцовые и темно-фіолетовые окаймляли цвѣточную возвышенность...

Рука артиста-садовника мастерски разбросала цвѣты повсюду, умѣло сочетала тоны, глазу не было больно смотрѣть на эти пестрые узоры. Цвѣты всюду... На-

стоящее море цвѣтовъ... Отъ ихъ ароматнаго дыханія и отъ влажно-теплой атмосферы теплицы у меня закружилась голова.

Я присѣлъ на скамью. Мимо меня продолжала двигаться живая волна посѣтителей. Немного отдохнувъ, я пробрался въ высокую стеклянную ротонду, носящую названіе «Дворца Пальмъ».

Дѣйствительно, рѣдко въ какомъ изъ ботаническихъ садовъ Европы мнѣ удавалось видѣть такихъ гигантовъ тропическаго лѣса, какъ здѣсь; они образовали настоящій лѣсъ. Гдѣ-то въ чащѣ журчатъ ручейки, летаютъ попугаи, перепархиваютъ съ вѣтки на вѣтку крошки-колибри, райскія птички; на минуту, на вершинѣ пальмы, покажется шаловливая мордочка обезьяны и снова скроется среди зелени.

Иллюзія полная, прямо не вѣрится, что находишься въ теплицахъ, а не въ настоящемъ лѣсу.

Пряный, тепловатый воздухъ раздражалъ меня, голова кружилась все больше и больше, я уже намѣревался уходить изъ теплицъ, какъ вдругъ какой-то шумъ остановилъ меня. Онъ несся изъ сосѣдней залы съ азаліями.

Любопытные хлынули туда толпой, я пошелъ тоже. Изъ-за ряда стѣснившихся въ проходѣ посѣтителей я замѣтилъ, какъ двое сторожей вели кого-то подъ руки къ выходу изъ теплицъ, третій шелъ за ними слѣдомъ съ небольшою вѣткой бѣлой азаліи.

— Что такое случилось? — спросилъ я стоявшаго рядомъ со мною господина.

— Пустяки! Какая-то женщина сорвала нѣсколько цвѣтовъ и, спрятавъ ихъ подъ платкомъ, хотѣла пронести незамѣтно, но, какъ нарочно, уронила цвѣты передъ самымъ сторожемъ. Разумѣется, тотъ сейчасъ же остановилъ ее, она бросилась бѣжать, но была поймана другими сторожами, и теперь ее ведутъ къ завѣдующему оранжереемъ.

— И, вѣроятно, сдѣлавъ ей выговоръ, — опустятъ?

— Едва ли! У насъ, въ Бельгіи, кража даже пустячнаго цвѣтка строго преслѣдуется, — вѣжливо объяснилъ мнѣ мой собесѣдникъ.

Участь странной воровки меня заинтересовала, я вышелъ вслѣдъ за сторожами въ паркъ. Довольно было одного взгляда, чтобы въ арестованной я сейчасъ же узналъ старуху, молившуюся въ лэкенскомъ храмѣ, у алтара Дѣвы-Маріи.

«Красивые цвѣты прельстили бѣдняжку!» — подумалъ я съ сожалѣніемъ и, сожалѣя бѣдную старуху, которую продолжали вести сторожа по аллеѣ къ зданію дворцовыхъ службъ, я покинулъ королевскій паркъ.

Вѣроятно, эта исторія такъ бы и исчезла изъ моей памяти, если бы случай не свелъ меня съ бѣдной старухой въ третій разъ. Дочь хозяйки отеля, въ которомъ я жилъ, просила меня въ этотъ же день, вечеромъ, проводить ее на небольшую станцію желѣзной дороги, находящуюся въ узкомъ переулкѣ глухого угла Лэкана. Ей нужно было встрѣтить свою подругу. Я охотно согласился исполнить ея просьбу, и мы отправились.

Приходилось идти мимо королевской церкви. Часы на башнѣ гулко пробили восемь.

— Какъ мы рано вышли изъ дома, — замѣтила моя спутница: — поѣздъ придетъ только безъ десяти минутъ въ девять, а теперь еще только восемь, до станціи осталось всего пять минутъ хода. Зайдемте въ церковь, теперь идетъ вечерняя служба, — продолжала дѣвушка, чрезвычайно набожная, какъ большинство женщинъ въ Бельгіи.

Мы вошли въ храмъ.

Вечеромъ украшенія св. Дѣвы мнѣ показались еще

Отъ заутрени. Рисунокъ А. П. Алсита, авт. «Нивы».

Небесный хоръ. Картина М. Нонненбруха, авт. «Нивы».

великолѣпнѣе, еще блестящѣе. Цвѣтовъ принесено было еще больше, ослѣпительно горѣли громадные свѣчи.

— Взгляните, — замѣтила мнѣ моя спутница, окончивъ молитву и поднимаясь съ колѣнъ; передъ самой нишей Мадонны поставленъ великолѣпный кустъ бѣлыхъ азалий, онъ красивѣе и роскошнѣе всѣхъ остальныхъ. — Кто бы могъ его принести?

Мари обратилась съ вопросомъ къ церковному прислужнику.

— Вотъ она, — и онъ указалъ на лежащую на мраморныхъ ступеняхъ алтаря, лицомъ внизъ, женщину.

Я невольно вздрогнулъ — это была та старуха, съ которой судьба меня сводила сегодня уже въ третій разъ.

— Она?.. — съ изумленіемъ проговорила Мари: — откуда же она могла добыть такіе чудные цвѣты?

Одна изъ богомолокъ, стоявшихъ рядомъ, точно обрадовалась этому вопросу.

— Если желаете, я могу рассказать вамъ всю исторію. Я ее отлично знаю, — и, не дожидаясь поощреній со стороны моей спутницы, быстро затараторила: — ее зовутъ Жаннина Ледю; раньше она такъ не бѣдствовала, сынъ ея служилъ желѣзнодорожнымъ сторожемъ, но прошлою осенью онъ попалъ подъ

поѣздъ на уличномъ перѣздѣ и былъ раздавленъ.

Жаннина, оставшись одна, не могла много работать, она все время хворала, пришлось нищенствовать.

Тяжело было ей видѣть, какъ остальные женщины приносятъ въ даръ Богоматери цвѣты, украшаютъ ея изображеніе; еще недавно она тоже могла удѣлять на это изъ маленькаго жалованья сына, теперь же зачастую ей самой нечего ѣсть. Сегодня утромъ она помолилась здѣсь и затѣмъ, пробравшись въ королевскія теплицы, сорвала тамъ вѣтку азалии, чтобы хотя ее принести въ даръ Мадоннѣ. Сторожа поймали ее, и ей пришлось бы отсидѣть за кражу въ тюрьмѣ, но св. Дѣва спасла ее! — съ торжествующимъ видомъ сказала богомолка.

Я внимательно слушала, ожидая, чѣмъ завершилась сегодняшняя исторія въ оранжереѣ.

— Когда ее вели къ управляющему, она встрѣтила самого короля, шедшаго на прогулку. Увидѣвъ Жаннину, конвоируемую сторожами, онъ спросилъ ихъ о причинѣ ея ареста.

Старуха ничего не скрыла отъ короля, она сказала ему всю правду.

Король былъ тронутъ подобнымъ признаніемъ, велѣлъ отпустить ее на свободу и позволить ей выбрать самую лучшую изъ всѣхъ азалий въ его теплицахъ, чтобы она могла исполнить свое обѣщаніе и принести свой даръ Мадоннѣ.

Я взглянулъ на старую нищую: она попрежнему лежала ницъ передъ мраморнымъ изображеніемъ св. Дѣвы, переживая, вѣроятно, самую счастливую минуту въ своей жизни.

Я взглянулъ и на священное изваяніе:

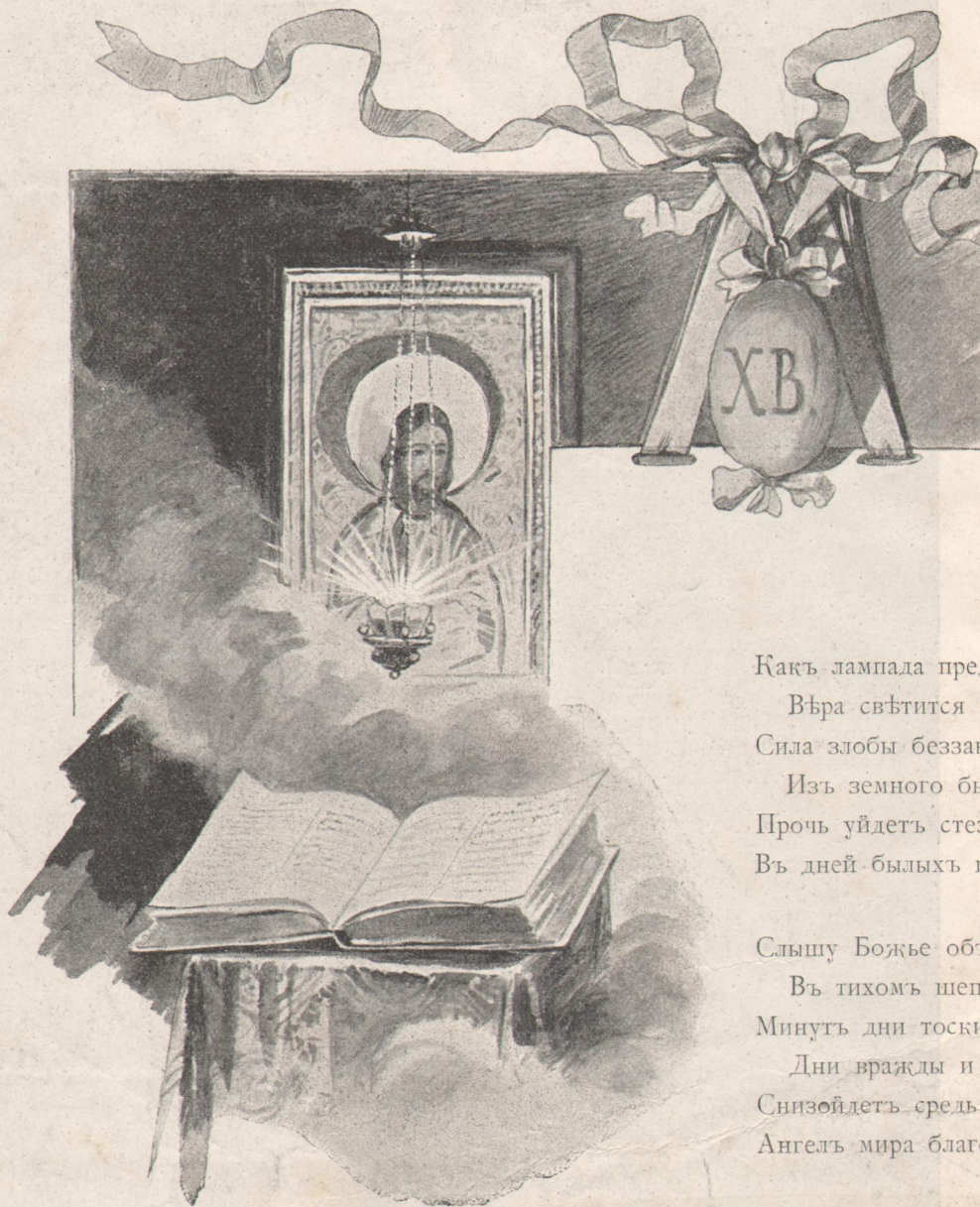

Съ праздникомъ! Картина Лингнера, авт. «Нивы».

казалось кроткій лиць Богоматери, освѣщенный розовыми лучами весенняго заката, врывающимися въ храмъ, съ любовнымъ милосердіемъ смотрѣлъ на эту бѣдную старуху. И мнѣ вспомнились слова Божественнаго Учителя о единой лептѣ бѣдной вдовы, которая принесла въ жертву больше, чѣмъ все богачи вмѣстѣ. У Жаннины не было даже и этой единой лепты. И она не задумалась въ этотъ торжественный день принести въ даръ Мадоннѣ самое драгоценное, что есть у человѣка—

доброе, незапятнанное имя. Выйдетъ ли она изъ этого благоухающаго храма оправданной Мадонной и ея Сыномъ, какъ вышла оправданной судомъ людскимъ, судомъ королевскимъ? Я не сомнѣваюсь въ этомъ. Надъ бѣлымъ блескомъ азалий, погружавшихся въ розовый полусвѣтъ весенняго вечера, носились струйки камильнаго дыма и догоравшихъ восковыхъ свѣчей. А старуха все еще радостно, страстно молилась у ногъ мраморной Мадонны.

ВЪ ТИХОМЪ ШЕПОТѢ МОЛИТВЪ.

Е. Гамочкина Гудковская

Какъ лампада предъиконная,
Вѣра свѣтится моя:
Сила злобы беззаконная,
Изъ земного бытія
Прочь уйдетъ стезею торною
Въ днѣй-былыхъ пучину черную.

Слышу Божье обѣщаніе
Въ тихомъ шепотѣ молитвъ:
Минутъ дни тоски, страданія,
Дни вражды и грозныхъ битвъ,
Снизойдетъ средь шума ратнаго
Ангель мира благодатнаго!

И враждующему племени
Скажетъ онъ:—«Христосъ воскресъ.
О великомъ свѣтломъ времени
Вѣсть несу я вамъ съ небесъ,
О духовномъ обновленіи,
О Христовомъ искупленіи!»...

Вадимъ Охлопьевъ.

Подъ Мукденомъ. Окружены. Рисунокъ нашего специального корреспондента В. А. Табурина, арт. «Нивы».

Въ Тихомъ океанѣ.

(Отклики войны).

Отличительная особенность нынѣшней кампаніи отъ многихъ войнъ, которыя приходилось вести Россіи въ Европѣ и Азій, заключается въ томъ, что сухопутныя военныя операціи въ ней

значительно болѣею возможностью укомплектованія, увеличенія и снабженія своей арміи, чѣмъ мы. Одна изъ токійскихъ телеграммъ сообщаетъ о намѣреніи японскаго правительства довести со-

Сидятъ: (слѣва)—генералы Мартосъ, Харкевичъ, Соболевъ, Линевищъ, баронъ Каульбарсъ, баронъ Мейендорфъ.
Стоять: (слѣва) первый рядъ—сотникъ Линевищъ, генералъ Ивановъ, генералъ Постовскій, поручикъ Дворжицкій, генералъ Баумгартенъ, генералъ Столица, полковникъ Карцевъ, генералъ Орановскій, камергеръ Александровскій.

Наши командующіе на Дальнемъ Востокѣ. По фот. авт. «Нивы».

тѣсно связаны и переплетены съ морскими. Отдаленность и трудность снабженія арміи на протяженіи всего Стараго свѣта дѣлала необходимымъ для уравненія шансовъ противниковъ рѣшительное и настойчивое воздѣйствіе на коммуникаціонную линію нашего врага. Въ то время, когда у нашей арміи въ тылу лежитъ десяти-сячеверстная пустыня, въ тылу у японцевъ лежитъ море. Пока они безпрепятственно и полновластно владѣютъ своими короткими и быстрыми морскими сообщениями, они располагаютъ

ставъ манчжурской арміи до милліона штыковъ. Въ этомъ нѣтъ ничего неосуществимаго. Хотя кадры обученныхъ военному дѣлу людей въ Японіи болѣе или менѣе ограничены и далеко не достигаютъ такой высокой нормы, но при 50-милліонномъ населеніи ее не можетъ остановить недостатокъ «человѣческаго матеріала». При народномъ энтузіазмѣ къ войнѣ и пламенномъ патриотизмѣ японцевъ, при ихъ изумительной акуратности и точности въ каждомъ дѣлѣ, овладѣніе техникой военной службы не составитъ

Первый рядъ: слѣва (сидятъ)—1) врачъ варш. отдѣла Пименовъ, 2) завѣд. бакт. лаб. Зимницкій, 3) старш. врачъ Александр. общины Гейкиннгъ, 4) предсѣд. сѣзда проф. С. С. Боткинъ, 5) старшій врачъ моск. общ. Сахаровъ, 6) завѣдующ. стат. бюро секр. сѣзда Стаховскій, 7) врачъ моск. отряда Нязевъ.
Второй рядъ: (слѣва)—1) Французовъ, 2) врачъ сарат. отряда Наумовъ, 3) Бегаловъ, 4) врачъ харьк. отдѣла Бельць, 5) ст. врачъ сарат. отдѣла Гончаровъ, 6) ст. врачъ сарат. общины Терновскій, 7) старш. врачъ нижегор. отдѣла Ошманъ, 8) старшій врачъ харьк. отдѣла Пржевальскій, 9) хирургъ харьк. отдѣла Бренковъ.

Группа 1-го сѣзда врачей Краснаго Креста сѣв.-вост. района дѣйствующей арміи. По фот. авт. «Нивы».

больших затруднений. Лучшим учителем войны, как известно, всегда была сама война, и несомненно, что она послужила уже прекрасной школой для молодых кадров японской армии, главным образом благодаря в высшей степени рациональной системе комплектования и пополнения полков: в то время, как армия генерала Куропаткина усиливалась все новыми и новыми корпусами, сохранявшими, при уменьшившейся численности своего комплекта, в установленной пропорции громоздкие нестроевые части, маршал Ояма располагал все тем же количеством дивизий и резервных бригад, но в силу безостановочного пополнения выбывавших из строя солдат и офицеров новыми, численный состав его войск несколько не уменьшался, нестроевые части не разрастались до обременения армии, вновь прибывшие солдаты, вступая в бой бок-о-бок с испытанными ветеранами, не поддавались панике, как иногда поддаются ей свежие прибывшие войска, впервые попадающие под огонь, и сравнительно быстро и легко усваивали все тонкости бранного дела. Теперь японцы пожинают плоды своей столь обдуманно проведенной системы и благодаря ей, несмотря на сравнительную недавность введения в стране всеобщей воинской повинности, располагают очень многочисленными кадрами войск. В обмундировочном и боевом материале у них тоже едва ли обнаружится недостаток: пополнить его — при наличии денег — можно до бесконечности, а финансы для нашего врага, благодаря явному и тайному содействию Англии и Америки, стоят теперь очень недурно. Европейское и американское золото льется в Японию широкой рекой, влечет за собой целые караваны судов со всем тем, что нужно для армии. При таких условиях судьба последней всецело ставится в зависимость от свободы и беспрепятственности морских сообщений. Поэтому-то войну с Россией Япония и начала неожиданным ночным нападением на наш флот, сразу и надолго подорвавшим его силу и боевое значение. То, чего японские моряки не успели достичь в ночь на 26-е января, было с успехом про-

должено в морском бою 28-го июля и закончено накануне падения Порт-Артура после занятия Высокой горы. Вся 1-я тихоокеанская эскадра была уничтожена и погребена. Японцы торжествовали и, благодаря легкости сообщений, чувствовали себя полными хозяевами Манчжурии. Под Ясином, на Шахе и под Мукденом они учитывали результаты своих морских успехов. Отзывы токийских кругов указывают на их желание и впредь широко пользоваться преимуществами морского положения. Но тут неожиданно поперек дороги стал им адмирал Рожественский. После долговременной стоянки у берегов Мадагаскара, употребленной на строгую выучку экипажа морскому делу, легкой артиллерийской стрельбой и искусному маневрированию, несколько недель тому назад его эскадра снялась с якоря и, как уверяли телеграммы английских агентств, направилась к Джубути не то для соединения с эскадрой адмирала Небогатова, не то будто бы для возвращения в европейские воды. Не мало огорчен русским людям принесли в свое время эти английские слухи, но к счастью они оказались вздорными, и шедшая в Балтийское море эскадра неожиданно очутилась вдруг не в Суэцком канале, а в Малакском проливе. Она благополучно прошла там, где ее всего меньше ожидали, и скрылась в Тихом океане. Судя по телеграфным сообщениям, прошедшая мимо Сингапура, 26-го марта, суда двигаются на северо-восток по направлению к Натунским островам. Всего зрители, выехавшие на море, между которыми был и японский консул, насчитали 35 вымпелов, в том числе 15 военных судов, 4 крейсера Добровольного флота, 5 миноносцев и 14 угольщиков, сосредоточенных в середине

Унтер-офицер восточно-сибирского запасного саперного батальона Никандр Сивальнев, благополучно доставивший из Омска в Петербург семимесячного ребенка, сына поручика Доброхотова. Отец ребенка — находится в рядах действующей армии, мать сестрой милосердия на театре военных действий. По фот., снятой Г. Дитерихсом в Петербурге, авт. «Нивы».

эскадры. Другие насчитали сорок семь судов. Корреспонденты уверяют, что впереди русской эскадры, в виду ее, шли двенадцать японских быстроходных крейсеров, но правдоподобнее предположить, что за японские крейсера были приняты наблюдателями русской передовой отряд. По словам иностранной печати, наша эскадра, войдя в Тихий океан, разделилась на две части, находящиеся между собою в непрерывном общении,

Перевозочный пункт после Мукденского боя. Рис. К. Вудвиля, авт. «Нивы».

Часовой и подчасокъ. Рисунокъ нашего спеціального корреспондента В. А. Табурина, авт. «Нивы».

Въ центрѣ группы сидитъ командиръ полка полковникъ Я. В. Цыбульскій, ниже сидитъ адъютантъ 1-го батальона Н. Я. Цыбульскій. Стоять (считая справа налево): младшій офицеръ конно-охотничьей команды С. Д. Каминскій, полковой адъютантъ поручикъ В. Б. Гейбовичъ, завѣдующій оружіемъ поручикъ В. П. Коринфскій, командиръ конно-охотничьей команды поручикъ П. А. Яничъ, младшій офицеръ той же команды подпоручикъ Г. С. Артемьевъ и адъютантъ 2-го батальона поручикъ Д. Д. Соболевъ 1-й. Всѣ офицеры этой группы (кромѣ поручика Соболева 1-го, прибывшаго къ полку вскорѣ послѣ Тюренченскаго боя)—участники всѣхъ боевъ, начиная съ Тюренченскаго.

Группа офицеровъ 12-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго Наслѣдника Цесаревича полка, снята у д. Мицгоу, вблизи непріятельскихъ позицій въ началѣ января 1905 года.

отрядъ же адмирала Небогатова, только-что вышедшій изъ Джибути, отсталъ отъ главныхъ силъ на три недѣли пути.

Вся иностранная печать привѣтствуетъ удачный рейсъ вице-адмирала Рожественскаго, какъ смѣлый и въ высшей степени пока удачный ходъ. Онъ блестяще преодолѣлъ великія трудности плаванія и сумѣлъ удачно разрѣшить казавшійся послѣ закрытія англійскихъ портовъ неразрѣшимымъ вопросомъ о питаніи эскадры углемъ. Онъ сумѣлъ обмануть строгую бдительность японцевъ и безъ всякихъ потерь достигнуть Тихаго океана. Но каковы же будутъ дальнѣйшіе результаты этого ловкаго и славнаго рейса? На этотъ счетъ мнѣнія рѣзко раздѣляются. Многие ставятъ адмиралу Рожественскому въ упрекъ, зачѣмъ онъ не подождать присоединенія отряда адмирала Небогатова, указываютъ на невыгодность борьбы разрозненными силами и высказываютъ опасенія за участь третьей эскадры, слишкомъ сравнительно слабой, тихоходной и едва ли способной пробиться къ Владивостоку собственными силами. Но именно эта-

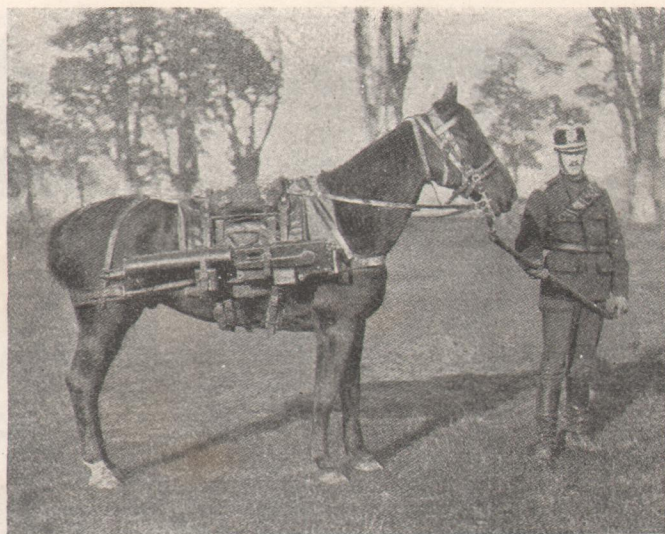

Князь Джалтайт—предсѣдатель сейма монгольскихъ князей, ближайшаго къ району военныхъ дѣйствій, и командиръ 26-й сотни заамурскаго округа пограничной стражи. По фот. авт. «Нивы».

то ея слабость и тихоходность и оправдываетъ всего больше образъ дѣйствій вице-адмирала Рожественскаго. Онъ, очевидно, отбѣнилъ въ отрядѣ Небогатова только резервъ, который понадобится послѣ боя, но въ самомъ бою могъ бы даже помѣшать, затрудняя маневрирование своими тихоходными судами и требуя прикрытія со стороны дальнѣйшей артиллеріи броненосцевъ. Притомъ же, разъ главнымъ силамъ удалось прорваться въ Тихій океанъ навстрѣчу японской эскадрѣ, то послѣдняя едва ли можетъ рискнуть уйти въ южныя воды наловлю эскадры Небогатова, оставляя свой тылъ и свою базу въ полное распоряженіе врага. Съ этой стороны ожидать опасности нѣтъ достаточныхъ оснований.

Несравненно тревожнѣе положеніе самого Рожественскаго. Какъ извѣстно, его эскадра, послѣ присоединенія къ ней отряда Добротворскаго, состоитъ всего только изъ 15-ти крупныхъ боевыхъ судовъ, въ томъ числѣ четырехъ но-

вѣйшихъ первоклассныхъ броненосцевъ («Александръ Ш», «Бородино», «Орель», «Суворовъ»). Кромѣ того имѣется одинъ броненосецъ тоже первоклассный, но менѣе совершеннаго типа, «Ослябя», и два броненосца второго класса, возрастомъ постарше: «Наваринъ» и «Сисой Великій», два старыхъ броненосныхъ крейсера («Нахимовъ» и «Дмитрій Донской») со скоростью въ 15—16 узловъ, 6 броне-палубныхъ крейсеровъ, въ томъ числѣ 2 большихъ («Олего» и «Аврора») и 4 малыхъ, типа близкаго къ «Новику» («Алмазъ», «Изумрудъ», «Жемчугъ» и «Свѣтлана»). Противъ этихъ боевыхъ силъ японцы въ состояніи выставить 5 первоклассныхъ броненосцевъ, 8 броненосныхъ крейсеровъ и 11 броне-палубныхъ крейсеровъ (въ томъ числѣ 3 большихъ) словомъ, 24 бронированныхъ судна, не говоря уже о многочисленной минной флотилии, которой они

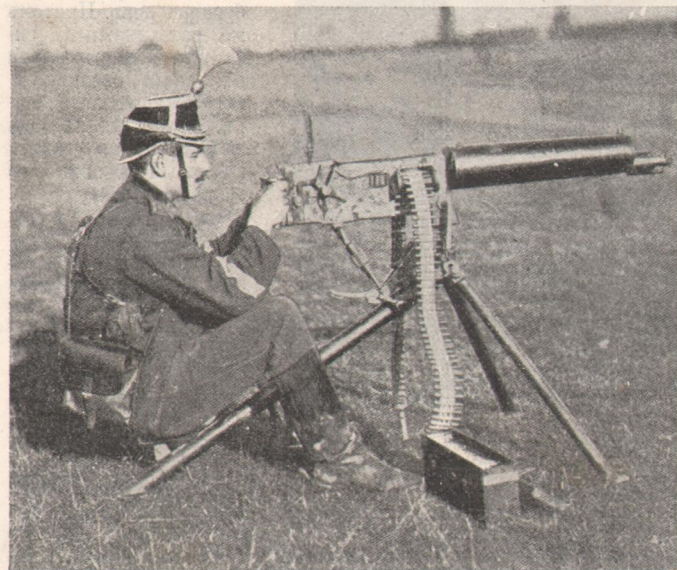

Новое скорострѣльное переносное горное орудіе въ швейцарской кавалеріи. Орудіе (въ разобранномъ видѣ) на походѣ.

соединяются въ трепетномъ желаніи, въ робкой надеждѣ на поворотъ счастья и въ горячей мольбѣ къ Богу о ниспосланіи побѣды держащему въ своихъ рукахъ судьбы всей Россіи смѣлому, энергичному и неунынно дѣятельному работнику ея, адмиралу Рожественскому.

Смѣсь.

На усиленіе флота.—Вышелъ изъ печати отчетъ о годичной дѣятельности Высочайше утвержденнаго Особаго комитета по усиленію военнаго флота на добровольныя пожертвованія.

Новое скорострѣльное переносное горное орудіе въ швейцарской кавалеріи. Орудіе на позиціи. Магазиновая лента снарядовъ, механически заряжающихъ орудіе.

пользуются, въ бою безъ всякой экономіи и бережливости.

И, несмотря на все это, адмиралъ Рожественскій смѣло ринулся навстрѣчу противнику. Быть-можетъ, отчасти онъ рассчитываетъ на ослабленность японскихъ судовъ вслѣдствіе долгой, почти полуторагодовой боевой службы и поврежденій, понесенныхъ въ предшествовавшихъ столкновеніяхъ, но больше всего повидимому надѣется на мужество и искусство своего экипажа. Можно предполагать, что послѣ энергичной полугодичной работы и ученія, онъ сумѣлъ дисциплинировать людей и сплотил свои разнокалиберныя и разносистемныя суда въ одно грозное и послушное волю командира орудіе. Судя по проникавшимъ въ печать письмамъ съ эскадры, весь экипажъ страстно вѣритъ въ успѣхъ, потому что каждый изъ моряковъ заранее готовъ на самопожертвованіе, всецѣло готовъ идти на гибель за общее дѣло. Побѣда дается только какъ результатъ такого активнаго, самоотверженнаго и дѣятельнаго настроенія борцовъ. Зная духъ и боевую готовность своей команды, адмиралъ смѣлъ возможнымъ все поставить на карту. Онъ не уклоняется отъ встрѣчи съ японцами, не ищетъ пріюта во Владивостокѣ, но смѣло идетъ прямо навстрѣчу врагу, готовый помѣряться съ нимъ силами въ рѣшительномъ бою. Онъ знаетъ, что, въ случаѣ неудачи, отступать некуда, такъ какъ на десятки тысячъ верстъ за спиной океаны и чужіе нейтральные порты, гдѣ можно найти только позорный плѣнъ и разоруженіе, и твердо вѣруетъ въ побѣду, ищетъ врага, чтобы нанести ему поражение. Блестящая удача его рейса внушила бодрія надежды множеству русскихъ людей и сразу измѣнила даже общественное настроеніе Европы. Наше положеніе уже не кажется ей такимъ безнадѣжнымъ, какъ нѣсколько дней назадъ. И дѣйствительно, наша морская побѣда сразу сведетъ къ нулю всѣ предшествовавшія удачи японскаго оружія на морѣ и на сушѣ. Появленіе русской эскадры въ Китайскомъ морѣ сразу ставитъ вновь на карту всѣ результаты 15-мѣсячной борьбы, всѣ успѣхи, достигнутые нашимъ противникомъ. Но и съ нашей стороны много здѣсь поставлено на карту, и въ эту минуту миллионы русскихъ сердецъ невольно

Японскіе плѣнные въ русскомъ лагерѣ у Мукдена. Рис. Ф. Матанія, авт. «Нивы».

Генераль-лейтенантъ К. А. Добрыжанскій, начальникъ 35-го пѣх. дивизию, контуженный подь Мукденомъ 24-го февраля с. г.

Подполковникъ 12-го великолукскаго пѣх. полка Р. Р. Рейнбойтъ, раненый 10-го октября 1904 г. при деревнѣ Линшияну.

Капитанъ 56-го житомирскаго пѣх. полка И. А. Мицелескуль, убитый въ бою при атакѣ деревни Сытай-цзы.

Капитанъ 1-го восточно-сибирскаго стрѣльцова Его Величества пѣх. полка А. Г. Синицынъ, раненый полка К. Н. Дулесски, убитый 12-го января.

Капитанъ 145-го бузулускаго пѣх. полка А. Г. Синицынъ, раненый при взятіи дер. Мамыкай 12—20-го января.

Шт.-кап. 215-го бузулускаго пѣх. полка А. П. Лоди, раненый въ обѣ ноги при взятіи дер. Мамыкай 12—20-го января.

Поручикъ 52-го драгун. нѣжинскаго полка И. З. Вясковскій, раненый въ январскихъ бояхъ.

Поручикъ 97-го лифляндскаго пѣх. полка Л. В. Каменскій, раненый и контуженный въ бояхъ подь Мукденомъ.

Поручикъ 147-го самарскаго пѣх. полка Е. П. Шклятовскій, тяжело раненый и контуженный въ бою подь Мукденомъ 21-го февраля.

Подполковникъ 85-го выборгскаго пѣх. полка Д. П. Дурново, раненый подь Мукденомъ 20-го февраля.

Подполковникъ 9-го германландскаго полка А. А. Шерманландскій, раненый 3-го января и скончавшийся отъ ранъ.

Подполковникъ 35-го брянскаго пѣх. полка В. Д. Басамыко, раненый 22-го февраля подь Мукденомъ.

Подполковникъ 4-го вост.-сиб. стр. полка Б. П. Анфиловъ, тяжело раненый въ бою подь Мукденомъ 30-го сентября 1904 г.

Подпоруч. 7-го красноярскаго сиб. пѣх. полка В. А. Цуревскій, ранен, в развѣдкѣ; получилъ орд. св. Анны 4-й ст.; умеръ отъ тифа 3-го ноября въ ворон. санит. отрядѣ Краснаго Креста.

Подполковникъ 85-го выборгскаго пѣх. полка А. М. Лукинъ, раненый подь Мукденомъ 22-го февраля.

Подполковникъ 55-го подольскаго пѣх. полка М. Г. Софроновъ, раненый при атакѣ дер. Сандепу 13-го января.

Подполковникъ 26-го восточно-сибирскаго стрѣльцова полка Л. А. Невскій, убитый 17-го февраля подь Мукденомъ.

Подполковникъ 9-го ингерманландскаго полка С. А. Арешевъ, раненый у дер. Шулиндае 6-го января.

Прапорщикъ 2-го вост.-сиб. стр. полка П. А. Баргосевичъ, составивший самую подробную карту въ 4 версты въ доимѣ Уссурийскаго края (Владивостокъ); раненый при Шахѣ, награжд. орд. св. Станислава 3-й ст.

Прапор. 3-го вост.-сиб. стр. полка А. П. Мяздриковъ, награжденный за развѣдки орд. св. Георгия 4-й ст., въ бояхъ 16-го января получилъ двѣ раны.

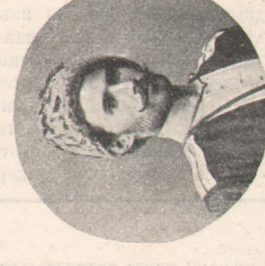
Прапорщикъ 147-го самарскаго полка М. Струзеръ, раненый въ правую руку 4-го октября 1904 г. въ бою у Шаха.

Подъесаулъ Н. Я. Коньковъ, раненый подь Инкоу 1-го января 1905 г.

Сотникъ 2-го дагестанскаго полка, Его Высочество принцъ Наполеонъ Морцартъ, раненый 2 раза 28-го сентября 1904 г. и 12-го февраля 1905 г.

Сотникъ терско-кубанскаго полка кавказской конной бригады князь М. А. Эльдаровъ, убитый 12-го декабря 1904 г. подь Инкоу.

Хорунжий 9-го коннаго полка сиб. казачья войска Д. О. Зйденштейнъ, убитый при развѣдкѣ 28-го декабря 1904 г. у деревни Чолу.

Хорунжий 2-го дагестанск. коннаго п. Курбановъ, остался на полѣ сраженія въ бою подь Ламзингоу, награжд.

Хорунжий 2-го дагестанск. коннаго п. Курбановъ, остался на полѣ сраженія въ бою подь Ламзингоу 14-го января.

Хорунжий 2-го дагестанскаго коннаго полка Абдурахманъ Курбановъ, остался на полѣ сраженія въ бою подь Ламзингоу 14-го января.

Особый комитет, как известно, возник по Высочайшему повелению 6-го февраля 1904 года, вскоре послѣ того, какъ появились первыя крупныя добровольныя пожертвования на увеличеніе военнаго флота. Комитетъ былъ принятъ подъ почетное председательство Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Михаила Александровича и председательство Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича. На комитетъ были возложены слѣдующія функціи: общія организація всего дѣла, приемъ пожертвований, контроль сбора, хранения и расходования пожертвований и вступленіе въ соглашеніе съ подлежащими вѣдомствами относительно употребленія приобретаемыхъ судовъ для военныхъ цѣлей. Не найдя возможнымъ приобрести готовые суда за границей, комитетъ рѣшилъ приступить къ сооруженію судовъ по специальному своему заказу въ Россіи и остановился на типѣ быстроходнаго минонаго крейсера съ водоизмѣщеніемъ 500—615 тоннъ и со скоростью до 25 узловъ. Въ настоящее время сооружается цѣлый флотъ изъ такихъ крейсеровъ, въ составѣ 18 однотипныхъ судовъ такого рода.

Первую серію крейсеровъ предложено называть: «Эмиръ Бухарскій», «Войсковой», «Финнъ», «Ставропольскій Трухменецъ», «Казанецъ», «Москвитининъ», «Доброволецъ» и «Украина». Изъ нихъ «Украина» и «Войсковой» уже почти готовы, и даже было предложено отправить ихъ въ январѣ 1905 г. съ первымъ эшелонъ 3-й эскадры. Но, къ сожалѣнію, стачки и рабоче безпорядки задержали изготовленіе крейсеровъ.

Кромѣ минонаго крейсера комитетъ предпринялъ также постройку подводныхъ лодокъ. Первая изъ нихъ «Фельдмаршалъ графъ Шереметевъ» уже готова и получила назначеніе. Кромѣ нея изготовлены и находятся въ періодѣ испытаній еще двѣ лодки.

За отчетное время въ комитетъ поступило пожертвований на сумму 13.274.539 руб. 95 коп. Сдѣлано заказовъ на постройку судовъ на 14.348.520 р. Такимъ образомъ, имѣется дефицитъ въ 1.073.980 р. 5 к. Но за февраль 1905 г. этотъ дефицитъ уменьшился на 263.620 р. 46 к. (вновь поступившія пожертвования).

Репетиція сценъ М. Горькаго „На днѣ“ въ госпиталѣ Елисаветинской общины Краснаго Креста въ Харбинѣ. Исполнители—выздоровляющіе раненыя офицеры и врачебный персоналъ.

По фот. авт. «Нивы».

Наиболѣе крупныя пожертвования были сдѣланы: Его Высочествомъ Эмиромъ Бухарскимъ (1.000.000 руб.), графомъ Орловымъ-Давыдовымъ (400.000 руб.), кочевыми трухменцами Ставропольской губерніи (330.000 руб.), казанскимъ земствомъ (300.000 руб.), финляндекимъ сенатомъ (1.000.000 ф. марокъ). Въ честь этихъ лицъ и учреждений и даны названія первой серіи минонаго крейсера.

Слово Божіе больнымъ и раненымъ воинамъ.—Послѣ начала войны съ Японіею, Правленіе Высочайше утвержденаго Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи обратилось, путемъ печати, съ воззваніемъ о пожертвованіяхъ на безплатную раздачу Слова Божія больнымъ и раненымъ воинамъ.

Въ теченіе 1904 г. на этотъ предметъ въ кассу Общества поступило пожертвований 708 р. 2 к.

Означенная сумма использована слѣдующимъ образомъ:

I. Роздано въ Москвѣ, въ 28-ми лазаретахъ, офицерамъ и нижнимъ чинамъ 770 экземпляровъ св. книгъ.

Кромѣ того, по просьбамъ больныхъ и раненыхъ, было отправлено почтою въ московскіе лазареты 17 экз. св. книгъ.

II. Послано въ Иркутскъ для раздачи въ войскахъ 800 экз. св. книгъ.

III. Подарено въ Манчжуріи книгоношею Общества больнымъ и раненымъ воинамъ 423 экз.

IV. Отправлено въ Токио для находящихся въ пѣту русскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ 114 экз.

Всего на сумму 705 р. 90 к.

Осталось къ 1-му января 1905 г. 2 р. 12 к.

Израсходовавъ, согласно изложенному, полученную сумму на безплатную раздачу Слова Божія нашимъ больнымъ, раненымъ, а также томящимся въ пѣту воинамъ, Правленіе Общества вновь обращается съ усердною просьбою о пожертвованіяхъ на означенный выше предметъ.

Пожертвования принимаются ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 10-ти час. утра до 4-хъ час. пополудни въ Правленіи Общества: С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 1-я линія, д. 34, кв. 5.

Пожертвования.

Съ 1-го по 31 марта включительно прислали въ редакцію пожертвования:

На бинокли для арміи: ученики Игнатовской шк. грам. 1 р.

Въ пользу защитниковъ Портъ-Артура: Д. А. Некозъ 5 р.; подпасникъ А. Яковлевъ 1 р.; А. Мясодова 30 к.

Въ пользу военнопленныхъ въ Японіи: Л. П. Водяникова 3 р.

Въ пользу раненыхъ: Э. Колтунъ 50 р.; О. С. 13 р. 65 к.; по 10 р.: А. П. Киминская, Пручигъ и прихожане Крестовоздвиженской ц. ст. Костромской, Куб. об.; г.г. Ивановъ 9 р. 41 к.; ученики Чилискаго р.-к. уч. 6 р. 50 к.; по 5 р.: Д. А. Некозъ, А. Е. Стефановичъ, Соколовъ, крест. А. Старцева; Д. А. Баринъ 3 р.; М. А. Т. 2 р. 45 к.; по 2 р.: П. С. Чекалинъ, учащійся Добрянскаго земск. нар. учил.; по 1 р.: Н. П. М., А. С. Рязановъ, студ. Штакелбертъ, Н. П. М., Н. П. М.; подпечница М. Р. 31 к.; А. К. Димаренко 50 к.; А. Мясодова 30 к.

Въ пользу вдовъ и сиротъ: церкви 5 округа Никол. у., Сам. г. 83 р.

45 к.; Э. Колтунъ 50 р.; служащій больница душевно-больныхъ при с. Голеничкѣ Ряз. губ. зем. 36 р.; по 5 р.: Д. А. Некозъ, С. А. Ш.; Д. А. Баринъ 3 р.; Л. П. Водяникова 2 р.; по 1 р.: Н. П. М., А. С. Рязановъ, Н. П. М., Н. П. М.; А. Мясодова 30 к.

На нужды дѣйствующей арміи: Е. Колмаина 8 р.; по 5 р.: Д. А. Некозъ, свѣщ. о. В. Лисовскій; по 1 р.: Е. Прейнъ, М. В. А.; А. А. Лятковская 50 к.; А. Мясодова 30 к.

На усиленіе флота: О. С. 9 р. 75 к.; учил. ц.-пр. шк. 8 р. 20 к. (% отчисленіе); ижеице чины 46-го Драг. Перевясласкаго Императора Александра III полка 5 р. 12 к.; ученики Троице-Пеленскаго учил. 5 р. 7 к.; по 5 р.: Д. А. Некозъ, семья убитаго шт.-кап. Новокрещеннаго; ижеице цер. с. Подвислова 4 р.; ученики Чилискаго р.-к. учил. 3 р. 25 к.; учитель Н. Терзи 3 р.; Костриковъ 1 р. 50 к.; по 1 р.: М. В. А., М. В. А.; Г. Петровъ, К. Зубковъ 50 к.; А. Мясодова 30 к.

Итого 408 р. 86 к., а съ прежде поступившими 19.149 р. 95 к.

Содержаніе: ТЕКСТЪ: Христовъ Воскресъ! Стих. Б. Н. — Свѣтлыя ризы. Разсказъ И. Н. Потапенко. — Колоколъ и Пушка. (Курское преданіе). Стих. С. Нараскевичъ. — Бѣлая Азалия. Разсказъ Г. Т. Сѣверцева — Въ тихомъ шепотѣ молитвъ. Стих. Вадима Охлопьева. — Въ тихомъ океанѣ (Отделка войны). — Смѣсь. — Пожертвования. — Объявленія.

РИСУНКИ: Утро Свѣтлаго Праздника. — Гимнъ Воскресенію. — Пѣснь колокола. — Явленіе Христа въ Эммаусѣ. — Отъ заутрени. — Небесный хоръ. — Съ праздникомъ. — Подъ Мукденомъ. — Наши командующіе на Дальнемъ Востокѣ. — Группа 1-го съезда врачей Краснаго Креста сѣверо-восточнаго района дѣйствующей арміи. — Унтеръ-офицеръ восточно-сибирскаго запаснаго батальона Никандръ Савальневъ — Перевозочный пунктъ послѣ Мукденскаго боя. — Часовая и подкасокъ. — Группа офицеровъ 12-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго Наслѣдника Цесаревича полка. — Князь Дзялянтъ — предсѣдатель сейма монгольскихъ князей, ближайшаго къ району военныхъ дѣйствій, и командиръ 26-ой сотни заамурскаго округа пограничной стражи. — Новое скорострѣльное переносное горное орудіе въ швейцарской кавалеріи. 1) Орудіе на позиціи. 2) Орудіе (въ разобранномъ видѣ) на походѣ. — Японскіе плыныя въ русскомъ лагерѣ у Мукдена. — Генералъ-лейтенантъ К. А. Добрянскій. — Подполковникъ Р. Р. Рейнбольтъ. — Капитанъ И. А. Мицлескуль. — Капитанъ К. К. Длусскій. — Капитанъ А. Г. Синицынъ. — Штабсъ-капитанъ А. П. Лодъ. — Поруч. И. Э. Вьяковскій. — Поруч. Л. В. Каменскій. — Поруч. Е. П. Шлютовскій. — Подпоруч. Д. П. Дурново. — Подпоруч. А. А. Щелетовъ. — Подпоруч. В. Д. Басанько. — Подпоруч. Б. І. Анфиловъ. — Подпоруч. В. А. Цуревскій. — Подпоруч. А. М. Лускинъ. — Подпоруч. М. Г. Софроновъ. — Подпоруч. Л. А. Невскій. — Подпоруч. С. А. Арешевъ. — Прапорщ. И. А. Бартошевчъ. — Прапорщ. А. П. Мяздриковъ. — Прапорщ. М. Струзеръ. — Подъесаулъ Н. Я. Коньковъ. — Сотникъ принцъ Наполеонъ Мюрать. — Сотникъ Н. А. Федоренко. — Сотникъ М. А. Эльдаровъ. — Хорунжій Д. О. Эйзенштейнъ. — Хорунжій Джемалудинъ-Мусалаевъ. — Хорунжій Абдурахманъ Курбановъ. — Репетиція сценъ М. Горькаго „На днѣ“ въ госпиталѣ Елисаветинской общины Краснаго Креста въ Харбинѣ.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Шеллера-Михайлова“ книга 28.

За издателя Л. Ф. Марксъ.

За редактора В. И. Свѣтловъ.